

ББК 71.0

Н.В. Багрова

**Предмет культурологического исследования
как проблема отечественной гуманитаристики**

N.V. Bagrova

**The Subject of Culturological Research
as a Problem of Domestic Humanities**

Проблема совместимости методологических платформ анализа культурологического предмета снимается в логике взаимодействия позитивистского и феноменологического подходов.

Ключевые слова: предмет культурологии, культурологическая методология, взаимодействие позитивизма и феноменологии.

In this paper the problem of compatibility of methodological platform of cultural object's analysis is solved in the logic of interaction between the positivist and phenomenological approaches.

Key words: cultural science subject, culturological methodology, positivism and phenomenology interaction.

Методологические проблемы современной гуманитаристики становятся объектом анализа все более широкого круга исследователей, покинув замкнутую область гносеологии. Актуальность, казалось бы, специфических вопросов связана с тем, что обилие различных, трудно совместимых между собой методологических платформ заставляет каждого гуманитария четко позиционировать собственное исследование. В противном случае любые полученные результаты рискуют оказаться неприменимыми в дальнейшем другими исследователями. Таким образом, гуманитарий вынужден предварительно обследовать возможные методологические варианты и оценить их на степень соответствия своим задачам. Очевидно, что сложившаяся ситуация делает методологические аспекты гуманитарного знания все более и более широко обсуждаемыми.

Культурология в этом смысле является одной из проблемных областей гуманитарной науки, поскольку с момента ее появления до настоящего времени остается дискуссионной не только ее предметная методология, но и сам ее предмет. Даже не углубляясь в историю дискуссий на тему определения предмета культурологической науки, заметим, что на сегодняшний день, а точнее, в публикациях, датированных второй половиной первого десятилетия XXI в., открыто признается, что «сегодня нет “единой” культурологии, теорий культуры столько, сколько крупных культурологов, при этом каждое отдельное культурологическое направление задает свой подход и предмет» [1]. На пороге нового тысячелетия та же мысль формулировалась еще более жестко: «...сложилась парадоксальная ситуация: культуроло-

логия преподается у нас во всех вузах, выпускаются десятки книг и учебников, открыты специальные кафедры и диссертационные советы..., а самой культурологии как единой, целостной науки со своим предметом, методом и категориальным аппаратом – как не было, так и нет» [2, с. 18–22]. Более того, в статье «Апология культурологии» Ю. Чернявской указывается, что вовсе «культурология собственной “территории” не имеет» [3, с. 2], причем автор не имеет в виду осуждение или принижение статуса данной науки; напротив, несмотря на ее специфическое положение, культурология признается наукой более чем важной, но особенной. В целом, разумеется, принято считать, что культурология изучает культуру, но и тут до сих пор нет ясности, поскольку под культурой отдельные направления гуманитарной мысли могут понимать существенно отличающиеся друг от друга вещи.

Кроме всего вышеперечисленного, значительно затруднило формализацию культурологической методологии вхождение культурологии в российскую науку в период серьезного пересмотра научных подходов, происходившего вместе с общей перестройкой российского общества в целом. Одновременно имели место процессы «всеохватывания» культурологией пограничных областей различных гуманитарных наук, а также, что еще менее формализуемо, привлечения в научный оборот вместе с вполне научными, но выпадавшими дотоле из публикуемого контекста по чисто идеологическим соображениям трудами, работ «маргинального содержания». Естественно, что реакцией научного центра культурологии стало защитное «схлопывание», вызванное желанием дистанцироваться от источников сомнительного содержания

и повлекшее за собой распространение «точки зрения, в соответствии с которой культурология должна заниматься своим “прямым делом” – изучать особенности культур (верования, обычаи, обряды и т.д.). В таком случае поле культурологии столь же неоправданно бы сузилось и стало бы непонятным, в чем заключаются функции этнографии и этнологии» [3, с. 2].

Естественно, все вышеперечисленное не способствовало формированию общепринятой структуры культурознания. Сегодня ученые, принадлежащие к различным школам культурологии, разворачивают данную структуру зачастую совершенно противоположным друг другу образом. Например, О.В. Ромах [4] включает теорию и историю культуры в область культурологии в качестве дочерних наук и считает философию и социологию культуры, в свою очередь, подмножествами теории культуры. В.М. Межуев разводит понятия культурологии и философии культуры следующим образом: «...культурология есть знание о разных культурах в их отличии друг от друга (безотносительно к вопросу о том, какая из них является моей), ... философия культуры есть знание о своей культуре, или культурное самосознание человека» [5].

А.С. Запесоцкий со своей стороны считает культурологию целостной, но сложноорганизованной наукой, в которой «предметная область исследования формировалась путем выстраивания многоуровневого универсума культуры» [6, с. 3], причем автор имеет в виду, по всей видимости, все же построение не самой культуры, а представлений о ней. Перечислив ряд определений понятия «культура», А.С. Запесоцкий резюмирует: «...подобное богатство проблемного и научного спектра культурологии свидетельствует не только о разнообразии научных форм, в которые может облекаться культурологическая мысль, но и взаимодополнительности ее аспектов, складывающихся в своей совокупности в единую комплексную дисциплину – знание о культуре как многогранном и многомерном явлении» [6, с. 3]. Такое представление о культурологии выводит ее за рамки формата рядоположенных гуманитарных наук и представляет не как науку, но как парадигму, помещающую в себя фактически всю гуманитаристику.

Представляя свою точку зрения, А.Я. Флиер утверждает, что «культурология – это не академическая наука, изучающая культуру в интересах пополнения фактологического знания о ней (этим занимаются культуроведческие науки – история, этнография, археология, искусствоведение, филология и пр.), и не философия, осмысливающая место культуры в структуре бытия, а прикладная по своим стратегическим целям наука, аналитически моделирующая культуру в разных ее аспектах как систему внешнего социального управления (политического и идеологического) и самоуправления (в виде обычая, традиции) и изучающая эти модели с целью более глубокого понимания

технологий подобного управления и применения их в актуальной практике. ...Культурология – это наука, изучающая идеологические, религиозные, этические, аксиологические и иные установки сознания, как правило, имеющие субъективно-ситуативные основания и являющиеся в большей или меньшей степени мифологемами, но с помощью которых осуществляется эффективное управление практическим социальным поведением людей» [7]. Следует также отметить, что вопросы, которые А.Я. Флиер называет принадлежащими к проблемной области культурологии, за рубежом вообще рассматриваются различными ветвями антропологии. В частности, несколько нетривиальных моделей культуры и культурных процессов в 90-е гг. XX в. было предложено в пространстве психологической антропологии (Милфорд Спиро, Теодор Шварц и др.).

В целом же обзор литературы показывает, что даже сам термин «культурология» более распространен в русскоязычной научной среде. Думается, это указывает на его не столько территориальную, сколько дискурсивную принадлежность к пространству отечественной науки. Переводные же статьи в большинстве своем употребляют в вопросах изучения культуры (понимаемой не в смысле «художественная культура», а в смысле «среда, созданная человеком, и ее особенности») термин «антропология».

По всей видимости, причиной тому не только разность структурирования сетки предметных областей гуманитарных наук в отечественной и зарубежных традициях. Достаточно вспомнить тот факт, что определений понятия культуры на нынешний день упоминается более полутысячи. Сложность и спорность не только метода, но и предмета культурологии зачастую ведут к тому, что исследования очевидной культурологической направленности проводятся как бы из близких гуманитарных предметных областей, или что, по всей видимости, более адекватно, указывают своей предметной областью только на какую-то более узкую по отношению к культурологии проблему.

В ходе круглого стола на тему «Знание о культуре: современная ситуация в России», состоявшегося в 2008 г. в Высшей школе экономики, была четко сформулирована проблема методологических различий российской и западной культурологии. Говоря о том, что в общем случае обычно называется *cultural studies*, Г.И. Зверева заключает: «...в этом корпусе знания речь идет не об изучении культуры как сущности, а об исследовании того, что называется “культурный объект”. Иначе говоря, слово “культура” используется не как существительное, а как прилагательное... Это выражается и в других базовых понятиях – таких, как “культурный артефакт”, “культурная форма”, “культурный процесс”, “культурная практика”. Культурный объект трактуется как нечто изменчивое, с открытыми, подвижными значениями»

[8, с. 3]. Далее, как отмечает выступающий, важной составляющей научного пафоса *cultural studies* является преодоление коннотаций элитарности, присущих термину «культура», развитие понимания культуры как всепронизывающего феномена, неотъемлемо присущего любой стороне человеческой деятельности и человеческого существования. Критикуется и постепенно преодолевается представление о вне-временной универсальности культуры – напротив, при исследовании одной из предубеждений происходит ясное осознание историчности культурных форм и практик. Традиции же отечественной культурологии базируются на противопоставлении высокой и низкой культур, причем низкая культура выводится за пределы, формируя не существующий в *cultural studies* концепт некультурного (или, выражаясь обыденным языком, бескультурного). Такое положение дел, полагает Г.И. Зверева, основывается на том, что в российской культурологии «культура изучается как существительное, как сущность. Как объект реального мира с набором определенных признаков и присущих им значений... Акцент делается на результатах человеческой деятельности, так называемой материальной и духовной сфере. Приоритет отдается универсализму культурных форм и их онтологизации и даже реификации» [8].

Такие отличия, имеющие достаточно базовые исторические основания, приводят, что существенно, к важным методологическим различиям. Исследователь, действующий в исторически сложившейся парадигме *cultural studies*, неизбежно осознает широту спектра методов, и рефлексия собственных методов является нормальной естественной частью построения исследования. Таким образом, в этой традиции «преобладает операциональное понимание теории и методологии... отчетливо наблюдается приверженность теоретико-методологической эклектике, но вместе с этим и возвышается исследовательская субъектность, ответственность исследователя за выбранную позицию» [8]. Напротив, традиция российской культурологической науки в ходе ее естественного исторического развития создает «привычное понимание высокой роли теории и метода как фундаментальных познавательных позиций исследователя, которые позволяют добиться целостно-нейтральных научных результатов, то есть происходит выключение себя из исследования» [8].

Действительно, в целом традиция российской науки предписывает исследователю как можно более вневличный стиль как рассуждений, так и изложения, что, в частности, ярче всего отражается в таких строгих жанрах, как научная статья или диссертационное исследование. В конечном же итоге, одной из основных проблем в отечественной гуманитаристике является даже не сама рефлексия методологических предубеждений исследования, а элементарное осознание на-

стоятельной необходимости этой рефлексии, которая, как мы только что показали, является совершенно естественной частью гуманитарного исследования за рубежом. Результатом такой неотрефлексированности становится (в следующей итерации, при попытке дальнейшего использования созданных на неопределенной платформе идей и концепций) либо вынужденная методологическая всеядность, эклектизм (поскольку приходится опираться на работы неясного базирования), либо полная невозможность дальнейшей трансляции уже полученных данных (в случае, если исследователь просто отвергает результаты работ, полученных на неизвестных предубеждениях). Тем самым сложившееся положение приводит к тому, что получаемые научные результаты обесцениваются.

Однако, как показывает анализ литературы, привычка отечественной гуманитаристики к проживанию в монопарадигмальном пространстве постепенно утрачивается, и все больше исследовательских школ уделяют должное внимание рефлексии собственных методологических схем.

Из вышесказанного следует, что выведение предубеждений исследования из подсознательной зоны умолчания автоматически ставит исследователя-культуролога перед проблемой выбора критериев, согласно которым определенный метод должен быть оцениваем как предпочтительный в отношении конкретного исследования. Согласно ряду исследований именно этот вопрос ставится как неразрешимый в общем виде, однако основным критерием выбора метода по эпистемологической традиции является исследуемый предмет. Именно на него и следует обратить внимание при выборе метода.

Современные исследователи философии культуры описывают затруднения, возникающие по вопросам культурологической методологии, следующим образом: «...кантианско-картезианская онтология не дает возможности культурологии выделить в реальной действительности свой особый объект изучения, а специфически культурологический подход не может привести к научной предметизации. Культурология не может конституироваться как наука не только в смысле естествознания (это вообще мало кого сегодня волнует), но и в том смысле, в каком науками признаются, например, социология и психология» [9]. В представленном случае речь идет о конкретно выделенном, отъединенном от некоторой целостности предмете, которым не может являться культура – явление, имеющее принципиально пронизывающий, пропитывающий характер. Классическая наука занималась тем, что можно измерить, постклассическая – тем, что можно описать; культура ускользает как от того, так и другого способа.

В конечном итоге, наиболее эвристически значимым представляется определение Ю. Чернявской: «...при определении культурологии мы неизбежно

имеем дело с неким особым ракурсом, который “накладывается” на исследуемую реальность. При этом сама реальность может изучаться различными “науками о духе” (социологией, психологией, философией, антропологией, искусствоведением и др.), а культурология является своеобразным интегратором, объединяющим результаты этих исследований под определенным углом зрения» [3, с. 16]. Удачность данного представления проблемного поля культурологии заключается в осознании того, что культурология действительно имеет право пользоваться результатами, полученными в пространствах любых других гуманитарных наук, при сохранении четких границ именно культурологических способов анализа. Таким образом, становится очевидным, что специфика культурологии как науки заключается не только и не столько в предмете, сколько в присущем ей методе.

В рассуждениях М.М. Бахтина о сущности культуры мы находим следующее сопоставление рациональной научности и анализа культуры: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает {вещь} и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только {безгласная вещь}. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только {диалогическим}» [10, с. 363].

При этом отказ от монопарадигмальной методологии не является сугубо отечественным решением. В.И. Колядко, например, утверждает, что «многие философы и литературоведы на Западе используют наряду со структуралистским методом и феноменологический в анализе художественного произведения. И это вполне понятно, так как творчество всегда связано с разнообразными формами рефлексии» [11, с. 22]. В то же время мы не можем с надежностью полагаться даже на основания феноменологической редукции, поскольку, как указывает Д. Соболев, «уже феноменология второй половины двадцатого века, и особенно, так называемая, “герменевтика” Поля Рикера, пришла к острому осознанию вторичности сознания по отношению к более глубинным структурам и процессам» [12]. Более того, доказанный уровень модификации сознания посредством внешних, рационально фиксируемых и анализируемых факторов все возрастает в последнее время, как это показывают исследования в области социальной и возрастной психологии, сравнительной этологии и некоторых других наук.

Очевидно, что в настоящее время вопрос стоит не о выборе из двух традиционных методологий – рационалистической и феноменологической, а об обоснованном способе их совмещения. К со-

жалению, современная эпистемология практически не обладает принципами, позволяющими избежать эклектики при соединении в одном исследовании элементов рационалистической и феноменологической методологий; исключением является лишь (разработанный отнюдь не в гуманитарном знании) боровский принцип дополнительности.

Заметим, что в естественно-научной парадигме принято считать, что «принцип дополнительности является рациональным обобщением самого классического идеала причинности и не означает произвольного отказа от привычных требований, предъявляемых ко всякому объяснению... Точка зрения дополнительности далека от какого-либо мистицизма, противоречащего духу науки; в действительности она представляет собой последовательное обобщение идеала причинности. Два дополнительных аспекта не исчезают, а сохраняются в новом квантовом описании, поскольку этого требует идея соответствия» [13].

Так, методология естественно-научной парадигмы решает проблемы, возникающие при необходимости исследовать объекты, сложность которых превосходит эвристическую силу имеющихся теорий. По всей видимости, аналогичным образом можно решать и проблему аналогичного же рода, по определению (поскольку сложность культуры как объекта, очевидно, превосходит все возможные теории) стоящую перед культурологией. Думается, боровское решение является хотя и паллиативом, но лучшим из возможных способов действия в создавшейся ситуации – не только в пространстве естественных наук, но в целом для любой не приводимой к единому знаменателю парадигмальной схемы.

Отметим, что данная логика не является инновационным ходом и получает все более широкое распространение в гуманитарной науке нового тысячелетия. Именно так, например, рассуждает Вл.А. Луков в статье «Культурология объектная и субъектная», подробно обсуждая специфику и отличия того, что он конкретно подразумевает под субъектным и объектным типами культурологи. В заключение он отмечает, что «субъектная культурология не только не отменяет объектную культурологию, но даже не вступает с ней в отношения конкуренции: это два подхода, которые только вместе, объединенные по принципу дополнительности, создают объемное видение культуры» [14, с. 78].

Признавая глубоко диалогичный, не только субъект-объектный, но и субъект-субъектный характер культуры как феномена, мы неизбежно ощущаем и необходимость использования принципа дополнительности в обосновании методов исследования явлений культуры. Современная культурология и философия культуры четко осознают невозможность изучения культуры в рамках одной методологической линии. «Онтологические принципы объяснения

культуры заключаются во взаимосвязи идеального и реального в общественной практике, диалектическом соотношении материального (субстратного) и процессуального (деятельностного) начал, хаоса и упорядоченности, субъекта и объекта в общественной жизни» [15]. Именно такая взаимосвязь лежит в основании идей М.М. Бахтина и В.С. Библера о диалогической сущности культуры. На результатах их исследований основывается убеждение, что без учета постоянной интерференции, взаимовлияния, взаимоперетечения феноменов субъективного и объективного нет смысла пытаться строить сколько-нибудь коррелирующие с реальностью модели культуры.

В целом можно считать, что вопрос обоснованности использования в культурологическом исследовании как рационалистических, так и феноменологических методов разрешен на общем уровне, и такое совмещение, разумеется, не случайно сформированное, но сознательное и продуманное, является не возможным, но необходимым.

«Культурология есть поле взаимодействия и пересечения номотетического и идеографического методов, – указывает Ю. Чернявская и поясняет, – номотетический или “генерализирующий” метод (по В. Виндельбанду) ориентирован на законы, тенденции, общие для повторяющихся явлений. Идеографический (в другой транскрипции – идиографический), или “индивидуализирующий”, метод ориентирован на познание единичных явлений, неповторимых, индивидуальных феноменов действительности» [3, с. 2].

Отметим, что любая методология непременно оценивает деятельность в отношении к ее специфическому предмету, а именно адекватность и эффективность способов достижения целей, к которым данная деятельность устремлена. Соответственно, уточнение специфики сочетания методологических оснований, лежащих в основании культурологии, может быть получено через исследование телеологических особенностей культурологии как науки.

Говоря о целях культурологии, А.Я. Флиер выделяет предметную область культурологии как более прагматическую по сравнению с философией и историей культуры, а также культуроведением. По его представлениям, культурология призвана исследовать не всю культуру в целом (очевидно, предполагается, что это настолько же неподъемный и методологически аморфный посыл, как, скажем, исследовать натуру в целом), но особенности связей и взаимодействий между культурным и социальным мирами.

Модель спирали, представляющая парадокс культурологии не как замыкающийся в себя уроборос, но как поднимающийся сам над собой с каждым оборотом путь, имеющий поступательное измерение, представляется нам методологически оптимальным способом осмысления данного парадокса. Спираль, т.е. возвращение к конкретному методу со всем ба-

гажом знаний, приобретенных при выходе в иной метод, с правом их использования – и снова уход от данного метода в иной, со всем, что было получено на предыдущей ступени познания, – не является для культурологии эклектизмом. При тщательной рефлексии направления и фазы движения спирали такое пошаговое смещение – единственно соответствующий предмету и целям культурологии метод.

В этом смысле спецификой культурологического знания является отнюдь не употребление позитивистской или феноменологической методологии, и даже не их процентное соотношение, а закономерности перехода из одной в другую. Наиболее многообещающим является метод, предписывающий следующий алгоритм:

- выделение предмета конкретного исследования, будь то определенная абстракция какой-либо культурологической теории или наглядно фиксируемый процесс или объект;
- обоснование расположения предмета исследования или его элементов на фазах спирали культурного процесса;
- подбор методологии анализа предмета исследования или его элементов в соответствии с фазой культурной спирали, на которой они находятся.

Нам следует анализировать содержания, находящиеся в процессе объективации, прежде всего с точки зрения позитивистской методологии, а субъективирующиеся – с позиций методологии феноменологической. Разумеется, любые реальные культурные содержания редко задерживаются в терминальных точках субъект-объектности, следовательно, всегда следует ставить вопрос не «что это есть», но «откуда и куда это движется».

Таким образом, мы по-прежнему не можем сказать, какая методология единственно подходит к конкретному культурологическому предмету, но все же имеем возможность в конкретной ситуации оценить, какая соответствует более. С нашей точки зрения, предложенная логика наиболее адекватна самому феномену культуры, принципиально находящемуся между рационально фиксируемым миром и человеческой субъективностью, но никогда не причаливающему ни к одному из этих берегов. Помимо того, представление о характере культурных явлений как о векторах, смещающихся на оси субъектность/объектность, задает еще один уже упомянутый нами фрейм культурологического анализа – это непреложное требование формирования динамической модели для любого феномена культуры.

В целом в данной статье показаны особенности культурологии как научной дисциплины, на основе которых определяется специфика культурологической методологии. Продемонстрировано, что совмещение в культурологическом методе рационалистической и феноменологической методологий отнюдь не явля-

ется случайным; более того, без взаимодействия этих двух методологических традиций любое культуроло-

гическое исследование нельзя считать соответствующим предмету данной науки.

Библиографический список

1. Балакирева Т.А., Ромах Н.И. Методология исследования культуры в уровневом контексте [Электронный ресурс]. – URL: <http://analiculturolog.ru>.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2000. – №16.
3. Чернявская Ю. Блеск и нищета, или Апология культурологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://yvch.blog.tut.by/category/stati-po-kulturologii/page/2/>.
4. Ромах О.В. Интеллектуальный потенциал культурологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://analiculturolog.ru>.
5. Межуев В.М. Культура как предмет философского знания [Электронный ресурс]. – URL: http://anthropology.ru/ru/texts/mezhuev/kagan_12.html.
6. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становление культурологической парадигмы. – СПб., 2007.
7. Флиер А.Я. Не будем путать культурологию с культуроведением (к открытию дискуссии по поводу Культурологической хартии) [Электронный ресурс]. – URL: http://rko-info.ru/ob_rko/nk/proj-nk/culturhart/flier-nebudemputat.doc.
8. Знание о культуре: современная ситуация в России : материалы круглого стола ИГИТИ ГУ-ВШЭ. 4 марта 2008 г. – М., 2008.
9. Никитаев В.В. О невозможности культурологии как науки // Науки о культуре – шаг в XXI век : сб. матер. ежегодной конф.-семинара молодых ученых. – М., 2001.
10. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
11. Колядко В.И. К проблеме феноменологического метода // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации : матер. науч. конф. Серия: Symposium. Вып. 7. – СПб., 2001.
12. Соболев Д. Предпосылки трансформации культурологии в культураналитику [Электронный ресурс]. – URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=533>.
13. Джеммер М. Эволюция понятий квантовой механики. – М., 1985.
14. Луков В.А. Культурология объектная и субъектная // Гуманитарные науки: теория и методология. Знание, понимание, умение. – 2008. – №1.
15. Лапина Т.С. Природа философии культуры: современный вариант [Электронный ресурс]. – URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=268>.